Культура

УДК 72.035 DOI: 10.22378/kio.2021.1.138-153

Дверной портал крымских ханов эпохи итальянского Возрождения: визуальная культура в Крыму в раннее Новое время[1]

Николь Канчал-Феррари

Аннотация. Данная статья является продолжением перевода с английского языка научной работы турецкого историка Nicole Kançal-Ferrari "An Italian Renaissance Gate for the Khan:Visual Culture in Early Modern Crimea" (Николь Канчал-Феррари «Дверной портал крымских ханов эпохи итальянского Возрождения: визуальная культура в Крыму в раннее Новое время»). В работе рассматривается вопрос основания портала и идентификация автора проекта *Демир Къапу (Демир Капу)* в Бахчисарае, в качестве которого указывается итальянский мастер эпохи «Возрождения» Алевиз Новый (1494?–1551 гг.). В исследовании также рассматриваются вопросы первоначального месторасположения и даты установки портала. Поиски ответов на эти вопросы являются весьма затруднительными в связи с интенсивными реставрационными работами и заменой многих прогнивших декоративных компонентов портала. Точный анализ первоначального облика памятника почти невозможен. В связи с этим, кроме ворот во Дворце Топкапы в Стамбуле и сохранившихся надписей Крымского ханства, исследуются и другие источники.

Ключевые слова: Демир Къапу, визуальная культура, Ренессанс, портал, Топкапы.

Для цитирования: *Канчал-Феррари Н.* Дверной портал крымских ханов эпохи итальянского Возрождения: визуальная культура в Крыму в раннее Новое время / *Канчал-Феррари Н.; пер. с англ. Сейтхалиловой Л. С.* // Крымское историческое обозрение. 2021. № 1. С. 138–153. DOI: 10.22378/kio.2021.1.138-153

[1] Перевод с английского Сейтхалиловой Л. С. Перевод выполнен по изданию: Nicole Kançal-Ferrari. Muqarnas. An Annual on the Visual Cultures of the Islamic World. Ed. Gülru Necipoğlu. Managing Ed. Maria J. Metzler. Vol. 34. Brill. LEIDEN/BOSTON, 2017. 125 p. Начало в № 2, 2020.

Продолжение. *(Начало в № 2, 2020 г.)*

Другие надписи во дворце и мечети, расположенной рядом с дворцом, относятся к восемнадцатому веку; они иллюстрируют совместную с Османами литературную культуру. На этих надписях вместо титула «султан» использован титул «хан» [89]. Поскольку Ханский дворец подвергался ограблению и был частично разрушен, никаких других надписей, декоративных элементов, относящихся к периоду до восемнадцатого века, документов-подлинников или же иллюстрированных манускриптов не сохранилось. Манускрипты, представленные в настоящее время во дворце и его библиотеке, были собраны и возвращены во дворец уже после того, как ханство прекратило существование. Вследствие отсутствия в данное время каких-либо сохранившихся остатков элементов архитектуры или артефактов в самом дворце трудно делать сравнение с воротами или найти информацию относительно визуальных идиом (стилей) Крымского ханства начала шестнадцатого века. Единственный современный памятник – это мавзолей в Салачике, расположенный недалеко от Ханского дворца. Именно рядом с ним предположительно было первоначальное место расположения портала. На нём сохранилась надпись, указывающая, что он был воздвигнут для Менгли Герая I с датой *шевваль 907* (апрель–май 1502 года). В надписи использованы титулы «хан» или «хакан» при обращении к Менгли Гераю I и к его отцу [90]. Говорят, что в мавзолее хранятся останки всех членов первых трёх поколений династии Гераев, т.е. основатель ханства Хаджи Герай, его сын Менгли Герай I и его свергнутый с престола внук Сахиб Герай I вместе с убитыми членами мужского пола его семьи. Поскольку он представляет совершенно иную визуальную идиому, чем *Демир Капу (Демир Къапу),* связывающую его с более ранней тюрко-исламской традицией, датирование этого здания остаётся проблематичным. В связи с интенсивными реставрационными работами и заменой многих прогнивших декоративных компонентов копиями точный анализ первоначального облика памятника почти невозможен [91].

Для того чтобы понять контекстуальную значимость надписи на портале Ханского дворца, должны быть исследованы другие источники, кроме ворот во Дворце Топкапы в Стамбуле и сохранившихся надписей Крымского ханства. Разнообразный материал, содержащий титулатуру, такой, как монеты и официальные документы (архивные документы, переписка между ханами и османским двором, москвитянами и Польшей-Литвой), может служить для сравнения как необходимое доказательство. Корреспонденция с османским двором показывает интересное развитие, начиная со второй половины пятнадцатого века и вплоть до первой половины шестнадцатого века. Хотя таких документов существует совсем немного, они представляют достаточные свидетельства, чтобы проиллюстрировать изменяющиеся взаимоотношения между двумя государствами. Самоуверенный язык Крымского хана в ранний

период переписки плавно сменился на тон более кроткий в 1470-х годах, титулы обращения к османскому султану стали применяться очень аккуратно, в соответствии с требованиями дипломатического этикета. Существующие документы, отправляемые в ханство Константинополем, соответствуют развитию османского дипломатического языка, который был реструктурирован Мехмедом II [92]. Некоторые из дипломатических документов, написанные крымскими правителями в государства-данники, такие как Московия и Польша-Литва, существуют в иноземных архивах только в переводе [93]. Корреспонденция из Константинополя в Польшу-Литву иногда представлена в латинской или итальянской версии с турецкими титулами, переведёнными на эти языки. Такие документы могут отображать только ограниченную информацию в отношении соответствия точных выражений *титулатуры* в турецких документах [94].

Кроме надписей, монеты содержат богатые материальные свидетельства о самоидентификации и представлении государства и, естественно, самого правителя. Архитектура статична, а зрителю или аудитории приходится стоять перед зданием, чтобы его увидеть. С другой стороны, монеты гораздо легче распространяются и, таким образом, служат эффективным орудием для расширения циркуляции информации, поскольку находятся в постоянном обращении. Можно наблюдать некую схожесть монет этого периода и *Демир Капу* не только по информации, которую они содержат, но также и в дизайне надписи портала, и в построении текста этих монет. Весьма вероятно, что надпись на *Демир Капу* может быть сделана по дизайну монеты. В поисках возможной модели монеты нужно принимать во внимание османские монеты, поскольку надпись на портале проявляет явное сходство с османской.

Выражение «Султан двух континентов и Властелин двух морей» – известное изречение на портале дворца, а также на входе во Дворец Топкапы в Стамбуле – представлено Мехмедом II как часть изысканной формулы на османских монетах (рис. 19) [95]. Оно появляется на османских монетах до правления Абдулмеджита (правление 1839–1861 гг.) в несколько различных версиях. Зачастую скопление титула «султан» встречается трижды на поверхности монеты [96]. Хотя углублённое исследование османских надписей и не входит в компетенцию данной статьи, необходимо отметить, что на надписях мечетей в Константинополе, начиная со времени правления Мехмеда II, наблюдается более активное использования титулов. На портале этого комплекса мечети султана (1463–1470 гг.) появляются такие титулы, как *el-Hākānu`l-A`zam,* («Самый Возвышенный Султан») и *el-Hākānu`l-Efham el-Fātih* («Великолепный Хакан, завоевавший [Константинополь]»). Надпись у входа в комплекс мечети Баязида II в столице Османов, построенного в 1501–1506 годы, состоит из списка-перечня его предков (*Sultānü`I – A` zam Sultān Bāyezid bin Sultān Mehemmed bin Sultān Murād Hān).* Наиболее ярким

примером является надпись, сделанная на основании главного входа мечети Сулеймание (1548–1559 гг.) знаменитым каллиграфом Хасаном Челеби Карахистани (ум. после 1594). На ней прослеживается родословная Сулеймана вплоть до самого «султана» Османа, основателя династии Османов. Кроме титулов «хан» и «хакан», надпись двенадцать раз упоминает титул «султан», составляя красивую композицию (рис. 20) [97].

Крымский хан, должно быть, знал о выпущенных Мехмедом II новых монетах в Константинополе и, вероятно, также был информирован о надписях на мечетях османской столицы. Монеты Крымского ханства, в противоположность им, содержали более короткие надписи. С другой стороны, монеты времени правления Менгли Герая I, а также и монеты ханов Золотой Орды часто изображают эмблему ханства – *тамгу (tamga),* которая появляется и на *Демир Капу* (рис. 21) [98]. Различные варианты печатей *(nışan, mühür),* используемые в корреспонденции периода Золотой Орды и Крымского ханства, а также печатки имеют характерное украшение с *тамгой* в центре (рис. 13b.) [99]. Композиция надписи портала с тамгой в центре круглого медальона представляет смешение имперского стиля Османов и Крымского ханства. В этом случае обе части текста на *Демир Капу* соответствуют двум сторонам монеты. Необходимо отметить, что знаменитые каллиграфы часто проектировали дизайн монет; возможно, Менгли Герай I заказал дизайн монеты, а затем использовал этот дизайн для самого портала.

Смысл выражения «Султан двух континентов и Властелин двух морей» или же вариация этого изречения «Султан Земли и Моря» становится очевидным, когда рассматриваешь его в самом контексте. По мнению придворного историка Тааликизаде (Ta`likizade), качества, укрепляющие легитимность «дома Османов», включают следующие: непрерывное династическое происхождение от отца к сыну, наличие сильной армии, инкорпорацию новых территорий в империю и использование титула «Султан Земли и Моря» [100]. Значение, придаваемое этому титулу в истории, написанной Тааликизаде в конце XVI в., упоминается век спустя у Эвлия Челеби. В узком смысле этот титул указывает на суверенитет правителя над Европой, Азией и над морями (т. е. Средиземным морем и Чёрным морем); в широком – представляет собой претензию на мировое господство [101]. Символическое значение титула было окончательно осмысленно после Мехмеда II, и это являлось, конечно, одной из причин изображения его Менгли Гераем I на портале в Бахчисарае. Тот факт, что именно Мехмед II завоевал Южный берег Крымского полуострова и превратил Черное море, по выражению Халиля Инальджика, в «османское озеро», только подтверждает это предположение [102].

Фигура наподобие *тугры* периода Кырым Герая (правление 1758–1764 гг., 1768–1769 гг.) видна на западном фасаде Ханской мечети, обращённой в первый двор и вторые ворота дворца. Она контрастирует с надписями *Де-*

мир Капу (Железных ворот), что предполагает диалог между этими двумя визуальными представлениями суверенитета (рис. 22, 23a). Надпись на фасаде мечети в центре содержит выражение *mübārek bād* («да будет это благословенно») со словами *taʿmīr-i ḥażret-i Hān Kirim Geray («реконструкция его светлости хана Кырым Герая»)* и оформлена как зеркальная композиция *(muṯennā)* в виде *тугры* вокруг этого центра. Другая надпись включает слово *māṣā'llāh* (в данном случае означающее «пусть Бог сохранит/защитит его»), дата 1176 (1762–1763 гг.), а также имена декораторов и художников, которые внесли свой вклад в ремонтные работы дворца (рис. 23b). Вторая надпись включает две маленькие тамги, ни одна из которых не присутствует в *тугре.* Кырым Герай был известен своим сильным правлением, и не случайно, что именно он создал вторую визуальную идиому для правления спустя двести шестьдесят лет после портала Менгли Герая I и незадолго до того, как Крымское ханство прекратит свое существование. Здесь также можно наблюдать, каким «современным» был крымский хан, поскольку *тугры* как визуальный знак османского султана станут общим явлением в Стамбуле в тот же самый период [103].

Дворцовый протокол и торжественный приём послов

Как уже говорилось выше, Менгли Герай I посетил много различных регионов, но нам не известно о существовании подобных ренессансных порталов в тех местах. Бахчисарай имел регулярные контакты с соседними политическими центрами. Двор Менгли Герая I принимал много посольств из Польши-Литвы, Московии и других приграничных стран. Кроме того, крымский хан был также внимателен к послам из Москвы, которые проходили через его двор по пути в Константинополь. В то же время он также посылал своих послов с миссией в эти дворы. Весьма вероятно, что его подданные или послы, прибывавшие из московских или польских дворов, распространяли информацию о строительной деятельности в этих местах. Они могли передавать информацию о новом ренессансном стиле, появившемся на Балканах, таким образом, влияя на решение хана иметь подобный визуальный маркер современности. Демир Капу выражает совершенно новую визуальную идиому молодого ханства. Интересовался ли хан архитектурной модой окружающего его культурного пространства своего времени? Или он просто попросил итальянского художника сделать то, что у него лучше всего может получиться за короткий промежуток времени? У него на службе было много итальянских придворных; таким образом, художники, прибывающие из Италии, не имели никаких проблем в отношении вербальной коммуникации [104]. В восточных и исламских традициях ворота были более чем архитектурным артефактом. Они могли также быть трансформированы в настоящую сцену, как это было во время церемониальных приёмов османских султанов, которые про-

водились перед *Воротами Блаженства* у портала при входе в третий двор Дворца Топкапы. Для официальных церемоний (празднований) трон султана торжественно располагался под большим портиком ворот, и султан восседал на троне для приёма поздравлений своих подданных. *Ворота Блаженства* были трансформированы в сцену, с которой всемогущий правитель мог видеть всех своих подданных и сам он был виден всем [105]. Такая же сценическая конструкция с куполообразным портиком воздвигалась в походах для участников кампаний, чтобы обеспечить необходимое обрамление (основу) для выступлений султана перед солдатами (рис. 24). Однако нужно признать, что у нас нет конкретной информации о функции портала внутри Бахчисарайского дворца.

Несмотря на большое количество послов, осуществлявших визит в ханский двор Крыма, в нашем распоряжении только краткие описания церемониальных приёмов, оказываемых в Ханском дворце. Посол польского короля М. Броневский посетил Бахчисарай в 1579 году [106]. Он описывает тщательно спланированную церемонию приёма в Ханском дворце, начиная с въезда послов на полуостров у Перекопа (**Or Kapı**). Он также отмечает, что согласно договорам хан получал ежегодные «подарки» (дань) в виде натуральных товаров или денег от короля Польши, Великого княжества Литовского, князя Московии, палатина Молдавии, ногаев и черкесских татар [107]. После прибытия в Крым послов сопровождали подданные хана до их места жительства. Летом их селили в палатках в степи или же в сёлах Альмы или Bachasanius (?) (вероятно, искажённая версия. – *Прим. пер.*) близ Бахчисарая. Из исторических источников известно, что там располагалась ханская резиденция. Приезжающих гостей иногда встречали там. Приём послов в Ханском дворе сопровождался строгим протоколом: после приветственной церемонии они должны были проявить своё уважение в соответствии со старыми традициями этого народа (т. е. крымских татар), от них требовалось передавать свои сообщения, преклонив колени *(genibus flexis)* [108]. Затем хан предлагал слабоалкогольный напиток из мёда (или *mulso*) в драгоценных чашах, а затем подавали обед. Послам дарили почётное одеяние из шёлка и золота, которое им надлежало немедленно надеть. В итоге, уже одетые в почётные одеяния, они снова благодарили хана, а затем отбывали. Во время приёма также вручались королевские подарки. Хотя Броневский описывает церемониальный приём, который, вероятно, проходил в зале заседаний дворца слева от *Демир Капу*, он никак не упоминает сам портал (рис. 25) [109].

Французский военный венгерского аристократического происхождения Франсуа Барон де Тотт (1733–1793 гг.) был назначен консулом Франции в Крыму в 1767 году. В своих мемуарах он описывает первую аудиенцию в Крымском дворе в Бахчисарае с ханом Максудом Гераем (даты правления 1767–1768 гг., 1771–1773 гг.) [110]. Во время аудиенции Тотт вручил вери-

тельные грамоты и подарки. Из его рассказа можно узнать, что во второй половине восемнадцатого века консулу разрешалось сидеть на стуле (сете) не прямо перед ханом, а на углу. Такой обычай был в Стамбуле, где во время аудиенции посланникам не разрешалось сидеть во время приёма, они должны были стоять напротив султанского трона [111]. Важность обязанности преподносить хану подарки подчёркивается тем фактом, что Тотту пришлось ждать несколько дней, пока эти подарки будут доставлены, прежде чем его можно будет принять во дворе. Тотт также не упоминает портал. Таким образом, остаётся много вопросов относительно вида *Демир Капу*, исполнения и личности каллиграфа или гравёра.

Заключение

Хан Менгли Герай I воздвиг *Демир Капу* в стиле Ренессанс на пике своего правления, когда он был наиболее могущественным правителем во всём регионе Северного Причерноморья. Таким образом, портал можно рассматривать как триумфальную арку, выражающую его политический успех, а также как дерзновенный вызов Османам в их притязании на мировое господство.

Присутствие итальянского художника Алевиза (Alevesio) во дворе Менгли Герая I (независимо от того, являлось ли его пребывание в Крымском дворе временным или нет, по причине конфликтов в регионе) определённо принесло пользу и выгоду хану, который был прославлен впечатляющим порталом, созданным художником, успешно синтезировавшим западные формы с восточным стилем. Хотя его последователи на троне Крымского ханства продолжали оставаться могущественными политическими игроками в регионе, ни один из них не воздвиг памятник в западном стиле. Даже Кырым Герай, последний могущественный хан, осуществивший строительные работы в Ханском дворце Бахчисарая во второй половине XVIII в., намеревался только адаптировать интерьер своего дворца в соответствии с западным стилем, когда заказал зеркала и лампы у торговца в своём дворе [112].

Комбинируя западную визуальную форму с надписями на арабском языке, Менгли Герай I представил себя в принятой идиоме двух существенно разных культурных сред. Ренессансный аспект ворот предназначался для того, чтобы произвести впечатление на западных послов; с другой стороны, надписи на монетах, отсылающие к османским притязаниям на мировое господство, были бы доступны в понимании мусульманам, а также немусульманским подданным, которые были знакомы с визуальным языком исламских монет. Представляя символ ханства, *тамгу,* ворота пропагандировали ещё один визуальный стиль, известный в сфере обращения ханства – суверенитет династии Гераев, преемницы Золотой Орды. Этот символ должен был быть узнаваем всеми жителями ханства, поскольку был изображен почти на каж-

дой монете, находящейся в обращении, – даже на тех, чеканка которых производилась в генуэзской Каффе.

Хотя ученые исследовали вопрос о роли Мехмеда II, а также московских царей Ивана III и Ивана VI, которую они играли в качестве «правителей эпохи Возрождения», фигура Менгли Герая I редко рассматривалась в этом аспекте [113]. Однако с тех пор как он воздвиг Демир Капу, представляющий собой монументальное сочетание исламизированного представления власти с официальным языком итальянского Ренессанса, Менгли Герай I может считаться таким же современным правителем, как великий османский султан Мехмед II. Литовский учёный Михалон Литвин в трактате, написанном в первой половине XVI века, называет хана Менгли Герая I «воистину современным правителем» (*Menglikirei vero modernum ceesarem),* что даёт нам важную информацию о том, как хан воспринимался западными соседями эпохи Возрождения [114].

Ворота в Ханском дворце можно рассматривать как визуальное выражение незаурядной личности хана Менгли Герая I. В период его правления весь регион претерпел фундаментальные изменения. На рубеже XVI века культура ханства подпитывалась из разных источников, и хан показал себя способным использовать эти ресурсы и направить их в своих собственных целях. Во время его правления судьба всего региона была ещё не понятна, а культурное взаимообогащение – на пике своего развития. Дальнейшие исследования улучшат понимание этого выдающегося правителя своего времени. Воздвигнув *Демир Капу,* Менгли Герай I способствовал привнесению в уникальную архитектурную конструкцию направления, которое с полным основанием можно назвать «Ренессанс на окраинах».

Исторический факультет,
Университет Шехир, Стамбул.

ПРИМЕЧАНИЯ

89. Одной из возможных причин того, что «султан» в качестве титула крымского хана перестал использоваться, является то, что «султан» в Крымском ханстве служил для обозначения принца из рода Гераев. Это был эквивалент термина «шехзаде» *(“Şehzade”),* используемый в Османской империи относительно принцев дома Османов. Вместо этого титула использовался титул «хан» *(“khan”)* в период существования всего Крымского ханства. Титул *хан* имел давнюю традицию и был широко распространённым титулом, используемым турецкими правителями; он также широко использовался в отношении Османских султанов.

90. Для предварительного анализа эклектической композиции мавзолея с прочтением на нём надписей см. Николь Канчал-Феррари, *“ I. Mengli Geray Han Türbesi”* в *“Orta Asya`dan Anadolu`ya Türk Sanatı ve Kültürü: Prof. Nejat Diyarbekirli`ye Armağan” ("Дюрбе (мавзолей, гробница) Менгли Герай-хана I")* в

(«Турецкое искусство от Центральной Азии до Анатолии: подарок профессору Неджату Диярбекирли»), ред. Yaşar Çoruhlu et al (и другие). (Ankara, 2006), с. 259–268, с. 627–629; для общего описания, см. Kırımlı и Kançal-Ferrari, «*Kırım Tatar Mimari Yadigārlari*» *(«Крымскотатарские архитектурные реликвии»)*, с. 496–503.

91. Н. А. Гаврилюк и А. М. Ибрагимова, *«Дюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.)»* (Киев – Запорожье, 2010 г.).

92. Muzaffer Ürekli, «Kirim Hanlarinin Mektublarinda Kullandiklari Unvanlar» («Титулы, используемые в письмах Крымских ханов») в «*Tarih Boyunca Paleografya ve Diplomatik Semineri, 30 Nisan – 2 Mayis 1986») («Палеография и дипломатический семинар на протяжении всей истории, 3 апреля – 2 мая 1986 г.») Bildiriler (Труды) (Istsnbul, 1988), с. 145–152;* Inalcik «Power Relationships» («Силовые взаимоотношения») с. 194–195; Reychman and Zajaczkowski, Ottoman-Turkish Diplomatik, 152–158 (Османско-турецкая дипломатия), с. 152–158); Fekete, *Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatik (*Фекете*, Введение в османско-турецкую дипломатию);* Feridun [Ahmed] Beğ, *Mecmū`a-I Münşe`ütü`s– Selātin, 2 volumes* (Istanbul, 1274-75 [1857–58]), 1:5–6. Титулатура, используемая в дипломатической корреспонденции ханов Золотой Орды и в ранний период Крымского ханства, показывает две фундаментально различные структуры. В своей переписке, адресованной подданным, они используют не чрезмерные формулы, а только достаточно сильные титулы в монгольской традиции. – "I… my word*" (ben... sözüm) (Я… Моё слово).* Эта формулировка позднее будет внедрена в *тугру* крымских ханов и, как следствие, будет отделена от главного текста. (Колоджейчик, *Crimean Khanate and Poland-Lithuania, 342–51).* («Крымское ханство и Польша-Литва», с. 342–351). С другой стороны, при обращении к османским султанам постоянно использовалась титулатура (*intiulatio)*, состоящая из нескольких строчек приветствия *(invocatia)* для подишаха. В своём письме к *Мехмеду II в 1475–1476 годах-Мехмед Герай I называл себя* «вашим рабом» *(el-hakir)* (TSMA, E. 6691/6) и использовал титул «Султан Двух Континентов и Император Двух Морей» *(es Sultānü`l-Berreyn ve`l-Hākānu`l Bahreyn [al-Sultān al-Barrayn wa-l-Khākān al-Bahrayn]).* Чтение по факсимиле оригинальных документов в архиве дворца Музея Топкапы у Özyetgin, *Yarlık ve Bitikler,* 291, 292 *(Ярлыки и битики,* с. 291, 292). Для сравнения, см. *там же,* с. 126–127. Сектор приветствия в декрете Сахиба Герая I (правление 1532–1531гг.), *es-Sultānu`l – Gāzi Sāhib Geray sözüm,* отражает тенденцию использования комбинации монгольской и новой (османской) практики канцелярии. В то время как sözüm напоминает монгольское влияние, *es-Sultānu-l Gāzi Sŏzüm* предполагает принятие османских обычаев (*там же*, 130). О том, как дипломатические письма Крымских ханов в Порту изменились в конце шестнадцатого века, см. Виктора Остапчука «Публикация Документов о крымском ханстве во Дворце Топкапы: Документальное наследие крымско-османских отношений», Turcica 19, (1987): с. 247–276, esp. (особенно) 25. О дальнейшей переписке (1730–1777 гг.) между Константинополем и Бахчисараем см. *Kırım Hanlarına, Nāme-ı Hümāyun (2 Numeralı Name Defterı)*

(Письма – султанские рескрипты крымским ханам. (Именная книга номер 2), ed. Murat Cebecioğlu et al. (ред. Мурат Джебеджиоглу и др.) (Istanbul, 2013).

93. Примеры вводных формул в переписке между Польшей и Литвой можно найти у Колоджейчика в *Crimean Khanate and Poland-Lithuania (Крымское ханство и Польша-Литва), с.* 343–345: "sözüm" (1462 г.) («моё слово») (1462 г.), "The word of Mengli Geray, the Great khan of the Great Horde" (1507), «Слово Менгли Герая, Великого хана Великой Орды», 1507 г.), "The word of Mengli Geray Khan" (1514) «Слово Менгли Герай-хана» (1514 г.)."Imperatore della Granda Orda, de tucta la Tartarea et de la Gazarea sicких хановgnore et herede et cetera" (both 1514), («Император Великой Орды, владыка всея Татарии и Газарии и т.д.») (оба 1514 г.), "The conqueror and ghazi Ghazi Geray Khan, my word"(1592) («Завоеватель и гази, Гази Герай-хан, моё слово») (1592 г.). Относительно документов раннего Крымского ханства в российских архивах см. И. Зайцева *Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития, рукописи, тексты и источники* (Москва, 2009г.); Миркасим Усманов *Жалованные акты Джучиева улуса,* XIV–XVI века (Казань, 1978 г.); и Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов *Materiaux pour server ā l` histoire du khanat de Crimėė extraite par ordre de L`Acadėmie impėriale des Sciences, des archives centrales du ministėre des affairs ėtrangėres, ā Moscou (St. Petersburg, 1864) (Материалы по истории Крымского ханства, выданные по приказу Императорской Академии наук в России. Центральный архив министерства иностранных дел в Москве) (Санкт-Петербург, 1864г.).* Этот источник был переиздан: Вельяминов-Зернов, *Kirim Yurtina ve Ol Taraflarga Dair Bolgan Yarliglar ve Hatlar: Kırım Hanlığı, Tarihine Dair Kaynaklar (Ярлыки и письма, относящиеся к Крымскому Юрту и всем другим сторонам: источники по истории Крымского ханства*, ред. А. Мелек Озетгин и Ильяс Камалов (Анкара, 2009 г.) (ed. A. Melek Özyetgin and Ilyas Kamalov (Ankara, 2009).

94. В *`ahdnāme*-(мирный договор) Султана Баязита II к королю Польши Александру в 1502 году, интитулатио на латыни дан как "Sultan Bayazit … Grande Imperator Asie atque Europe et marium, etc.". Это название вполне могло быть переводом вариации названия на турецком языке "The Sultan of the Two Continents and the Emperor of the Two Seas" (Дариуш Колоджейчик, *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century): An Annotated Edition of `Ahdnāmes and other Documents*. Leiden and Boston, 2000*,* 210–212) (*Аннотированное издание ахднаме и других документов* [Лейден и Бостон, 2000 г.], с. 210–212).

95. Переосмысляя свой публичный имидж, Мехмед II чеканил золотые монеты, известные как «султаны» (*sultānis)* в 882 г. (1477–1478 гг.) (Franz Babinger, *Mehmed the Conqueror and His Time*, (Мехмед Завоеватель и его Время) ed. William C. Hickman, trans. Ralph Manheim [Princeton, NJ, 1978], с. 367–368. Монеты с выражением «Султан Двух Континентов и Император Двух Морей» были отчеканены в начале 875 г. (1470–1471 гг.), (Ibrahim Artuk and Gevriye Artuk*) Fatih`in Sikke ve Madalyaları* [Istanbul, 1946], с. 17–18, 23). Золотые монеты с точно такой же формулой присутствуют с периода правления Сулеймана в 1520 г. и были выпущены по случаю его восхождения на трон ("*Heads and Tails": The Two Faces of Sovereignty*, Yapi Kredit Coin Collection Exhibitions, 4, ed. Şennur Şentürk and Brian

Johnson [Istanbul, 1995], с. 42, 57). (*«Головы и хвосты»: Два лица суверенитета,* Выставка коллекции монет Yapi Kredi 4, ред. Шеннур Шентурк и Брайан Джонсон [Стамбул, 1995 г.] с. 42, 57). Немного другой титул, содержащий выражение *"of the Land and Sea" («Земли и Моря»)* можно также найти на монетах периода Баязида II *(там же., 44).* В своём исследовании проявления политической идеологии Нитрай (Nyitrai) совершенно верно констатирует, что формирование титулатуры произошло во время правления Мехмеда II. Однако в своём анализе (который основывается исключительно на монетах) он указывает, что формула «Султан Двух Континентов и Император Двух Морей» была введена Султаном Сулейманом I на монетах, отчеканенных по случаю его вступления на трон в 1520 г. Весьма вероятно, что Нитрай (Nyitrai) упустил из виду более ранние примеры. По тому, как свидетельствуют монеты от 1470 года, а также надпись на входных воротах Дворца Топкапы, четко видно, что эта формула была уже введена Мехмедом II (Istvān Nyitrai, "The Third Period of the Ottoman-Safavid Conflict: Struggle of Political Ideologies (1555–1578)", in *Irano-Turkic Cultural Contacts in the 11th-17th Centuries* («Третий период конфликта Османов и Сафавидов: Борьба политических идеологий (1555–1578 гг.)», ирано-тюркские культурные контакты в XII–XVII веках), ред. Eva M. Jeremiās [Piliscsaba, 2003], с. 161–176, на 163–175).

96. В общем об османских монетах см. Нури Пере (Nuri Pere) *Osmanlılarda Madeni Paralar* (Istanbul, 1968). Неполный список титулов, используемых первыми османскими султанами в надписях королевских памятников, можно найти у Heath W. Lowry, *Erken Dönem Osmanlı Devleti`nin Yapisi (Структура ранней Османской империи),* перевод Киванч Тантияр (Kivanç Tantiyar) [Istanbul, 2010], с. 162–164. Основополагающие работы Айверди (Ayverdi) по османской архитектуре содержат большинство надписей арабским шрифтом. См. Экрем Хакки Айверди (Ekrem Hakki Ayverdi), *Ilk 250 Senenin Osmanlı Mimarisi (Османская архитектура первых 250 лет)* Ekrem Hakki Ayverdi *Osmanlı Mimaresinde Fatih Devri* (Эра Фатиха (Завоевателя) в османской архитектуре); с. 855–886 (1451–1481 гг.) (Istanbul, 1973); I. Idyn Yüksel. *Osmanlı Mimārisinde II Bāyazit Yavuz Selim Devri (Эра Баязит Явуз Селима II в османской архитектуре)* с. 886–926/1481–1520), (Istanbul, 1983).

97. В отношении османских надписей см. http://wwwottoman inscriptions.com; в отношении данной надписи см. Джевдет Чулпан (Cevdet Çulpan), "*Istanbul Süleymaniye Jamii Kıtabesı"(Надпись на стамбульской мечети Сулейманиe) in Kanuni Armağanı (в Юридический Армагани (приз, награда)* (Ankara, 1970), с. 291–299.

98. Retowski, *Die Münzen der Girei*; (*Монеты Герая*) Retowski, *Genoese Tartar Coinage*; (*Генуэско-татарская чеканка*) Ağat, *Altınordu Paraları Kataloğu (Каталог монет Золотой Орды).*

99. Эти печати (nişan) часто выполняли красными чернилами и покрывали золотом. Они содержали текст, переданный графикой куфи (*Kufi script*), иногда содержащий исламский символ веры *(kelime-i tevhid)* или титулатуру правителя. Подобные же печати известны из документов Золотой Орды и канцелярии мамелюков и восходят к уйгурским практикам. См. Иштван Вазари (Iştvan Vazari),

Az Arany Horda Kancellāriāja (*Канцелярия Золотой Орды),* (Будапешт, 1987 г.), с. 46–61; Усманов, Жалованные акты Джучиева, с. 140–167; Озетгин (Özyetgin), *Ярлыки и Битики*, с. 170; Рейхман и Заячковский (Reychman and Zajaczkowski), Ottoman-Turkish Diplomatics *(Османско-турецкая дипломатия),* 156–57; Курат, *Ярлыки и Битики*, с. 15.

100. Ta`liki-zāde`s *Şehnāme-i Hümāyün* (Талики-заде, Шахнамэ-и Хумаюн), *A History of the Ottoman Campaign into Hungary in 1593–1594*, ed. Christine Woodhead, (Berlin, 1983) *(История Османской кампании в Венгрию в 1593–1594 гг.),* изд. Кристин Вудхед (Берлин, 1983 г.), с. 115; 4b–132: 11a, здесь 118: 5b.

101. Согласно Эвлия Челеби, после завоевания Константинополя Мехмед II получил титул *Hünkār («Хункар» – «*Владыка») от Шейха Акшемседдина (Şeyh Akşemseddin). Среди отличительных титулов (*elkāb*) правителей дома Османа он перечисляет следующие: “Sultān”(«Султан»), *”Hādimü`l-Haremeyn ve Sultānü`l-Berr ve [`l] Bahr ve Seyyidu`l-`Arab ve`l –`Asem ve Sāhib Kirān”*, *(«Слуга двух Харамов*, *то есть Мекки и Медины*, *султан Земли и Моря, Духовный лидер арабов и персов, и Повелитель (благоприятных) соединений*»), Эвлия Челеби: «Сеяхатнаме», 10:42). Кроме того, Эвлия Челеби отмечает, что Эбу-су’уд Эфенди (*Ebu`s-su`ud Efendi*), влиятельный *şeyhü`l– Islām* (дата смерти 1574 г.) присвоил Сулейману I титул *“the Sultan of the Two Continents and the Emperor of the Two Seas” (es-Sultānü`l-Berreyn ve`l-Hākānu`l– Bahreyn)*, «Султан Двух Континентов и Император Двух Морей». Он объясняет, что с завоеванием Родоса и Мальты султан стал *Sāhibü`l –Bahr* (Властителем моря), а с победой над Багдадом – “the Sultan of the Two Continents” *(Sultānü`l Berreyn*) *(Султаном Двух Континентов).* Знаменитый путешественник также заявил, что только с началом доминирования над Багдадом и Родосом дом Османа стал иметь право претендовать на этот титул, и поэтому султаны пойдут на многое, чтобы удержать эти территории (*там же*, 2:23). Говоря о Darbhāne-i Āli-i `Osmān (Дарбхане-и Аль-и ‘Осман) («Монетный двор дома Османа, императорский монетный двор»), он цитирует текст на монетах, отчеканенных по случаю восхождения на престол Мехмеда III (правление 1648–1687 гг.) как “the Sultan of the Two Continents and the Emperor of the Two Seas” («Султан Двух Континентов и Император Двух Морей») (*там же*, 1:293).

102. Причина такого титула, бесспорно, заключалась в том, что хан хотел представить себя стоящим на одном уровне с османским султаном. Ученые также предварительно предположили, что «два моря» в названии портала могут относиться к Черному и Азовскому морям; это предположение может быть не совсем неверным, но оно упускает из виду более глубокий контекст.

103. На фасаде здания сохранились только два отдельных примера *тугры* раннего периода: тугра Мурада II (правление 1421–1451 гг.) на крепости Едикуле в Салониках (1431 г.) и тугра Мурада III (правление 1574–1595 гг.) на входных воротах мечети Нишанчи Мехмед-паши (Nişanci Mehmed Paşa) в Стамбуле (правление 1584—1589 гг.); см. “Türkiey Diyanet Vakfı Islām Ansiklopedisi, s.v. “Tuğra”, by Uğur Derman. (Турецкий религиозный фонд исламской энциклопедии), s.v. *«Тугра*» Угура Дермана.

Обычай надписывать *тугрой* берет свое начало в восемнадцатом веке от реставрационной надписи султана Ахмеда III (правление 1703–1730 гг.) на большой плотине за пределами Стамбула. Первая *tugrā* в османской столице была нанесена на Императорский арсенал Топхане-и Амире (*Tophāne-i `Āmire)* во время правления Махмуда I в 1743 г. (правление 1730–1754 гг.) (*там же*).

104. Некоторые итальянцы, бывшие на ханской службе, известны по именам, поскольку они фигурируют в нескольких документах. Виченцо де Гуидульфис (Гисольфи) (Vicenzo de Guidulphis (Ghisolfi), который был полунезависимым правителем Матреги (Matrega) (Тамани), женатый на черкесской княжне, поступил на ханскую службу после завоевания Османами Каффы. Аугустинос де Гарибальдис (Augustinos de Garibaldis), генуэзец из Каффы, и Джованни Баптиста де Сан-Николо (Giovanni Baptista de San Nocolo) также были итальянцами на службе у хана. Виченцо и Джованни сопровождали внука Менгли Герая I Джалаледдина (Djalaleddin) в Киев и Вильнюс, где его держали в качестве дипломатического заложника. Колоджейчик, *Крымское ханство и Польша-Литва* (*Crimean Khanate and Poland-Lithuania), с.* 458, 620n 10,11, 623n18.

105. О дворцовом протоколе и церемониях приема при османском дворе см. Неджипоглу, Дворец Топкапы (Necipoğlu, Topkapi Palace), с. 56–69, с. 88–90; Günkut Akin, “Türk Oturma Kültürü Bağlamında Topkapı Sarayı`nda Hükümdar Sergilemesi” (Гункут Акын, «Выставка Hükümdar (Владыка) во Дворце Топкапы в контексте турецкой живой культуры»), Topkapı Sarayı Müzesi, Yıllık 3 (1988): с. 7–22; («Дворец-музей Топкапы», Ежегодник 3 (1988 г.): с. 7–22; Zeynep Tarim Ertuğ, “XVI yüzyıl Osmanlı Devleti`nde Cülus ve Cenaze törenleri” (Ankara,1999), («Вступление на трон и похоронные обряды в Османской империи XVI века») (Анкара, 1999 г.); Pāl Fodor (“Sultan, Imperial Council, Grand Vezier: Changes in the Ottoman Ruling Elite and the Formation of the Grand Vezieral Telhis”, Пал Фодор («Султан, Имперский совет, Великий визирь: изменения в османской правящей элите и формирование Великого Телхиса визирей» *(Telhis – краткий вывод, резюмирование, т. е. сформировался Совет Визирей, готовивших резюме и сокращённые варианты текстов для падишаха. – Прим. пер.)*; Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 47 [1994]: с. 67–85, описывает реформы, проведенные при Сулеймане I.

106. По приказу короля, с. 106–107.

107. Как дань уважения, эти «подарки» отличались от дипломатических подарков. Однако, вероятно, на церемонии приема вручались оба вида «подарков».

108. О церемониях приема в Золотой Орде см. Spuler, History of the Mongols (История монголов), с. 99–103, u Guillaume de Rubrouk, Voyage dans L`Empire Mongol, 156. (Гийом де Рубрук, Путешествие в Монгольскую Империю), с. 156. О церемониях при дворе мамелюков см. Doris Behrens-Abouseif “The Citadel of Cairo: Stage for Mamluk Ceremonial”, (Дорис Беренс-Абусейф, «Цитадель Каира: сцена для церемонии мамлюков», Annales Islamologiques 24 (1988): 25–79; Исламологические летописи, 24 (1988 г.): с. 25–79; Karl Stowasser “Manners and Customs at the Mamluk Court” (Карл Стоуассер, «Традиции (нравы) и обычаи при дворе мамлюков»), Muqarnas, 2 (1984): с. 13–20.

109. *Im Auftrag des Kŏnigs*, 106–7 (По приказу короля, с. 106–107). В своем

исследовании дипломатических отношений между Менгли Гераем I и Иваном III Кроски (Croskye) предполагает, что, хотя «доказательства относительно церемониала неясны... мы можем сделать вывод, что преклонение колен, вероятно, совершалось послами Ивана в Крыму» (Роберт М. Кроски, «Дипломатические формы взаимоотношений Ивана III с крымским ханом», Славянское обозрение 43, № 2 (1984 г.): с. 257–269, на 262). Преклонение колен, поклон (по-русски – «челом бить») также должны были совершаться в приемной аудиенции Золотой Орды. Выражение подчинения, поклон, правильно понимался как жест унижения, и посланники часто шли на все, чтобы его избежать. Польский посол Лаврин Пясечинский (Lauryn Piaseczynski), преемник Броневского (Broniewski), в 1601 году попросил разрешения стоять перед ханом во время аудиенции вместо преклонения перед ним колен. В качестве благодарности за оказанную милость он предложил такое же обращение с крымскими посланниками в Варшаве. Его переговоры увенчались успехом лишь в той степени, что от него требовалось преклонить только одно правое колено. Из этого эпизода можно предположить, что такому же обращению подверглись и послы хана при польском дворе. См. Дариуш Колоджейчик, «Семиотика поведения в ранней современной дипломатии: польские посольства в Стамбуле и Бахчисарае» (“Semiotics of Behavior in Early Modern Diplomacy: Polish Embassies in Istanbul and Baçesaray”), Journal of Early Modern History 7, no. 3–4 (2003) (Журнал ранней современной истории 7, № 3–4 (2003 г.): с. 245–256, с. 251. Интересный анализ дипломатического поведения в Москве, частично основанный на путевых отчётах Зигмунда фон Герберштейна (Sigmund von Herberstein), содержится в следующих двух статьях: Claudia Garnier, “Die Macht der Zeichen – die Zeichen der Macht”, “Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Grob Fürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert”, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas [Neue Folge] 55, no. 3 (2007): 331–56; Клаудио Гарнье, «Власть символов – символы Власти». «О важности символической коммуникации в политике великого княжества Московского в конце XV и XVI веков», ежегодники по истории Восточной Европы [Новая серия] 55, № 3, (2007 г.): с. 331–356;

Claudia Garnier, “Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billing auch”. Symbolische Kommunikationsformen hei Gesandtenempfangen am Moscauer Hof im 16. und 17. (Клаудиа Гарнье, «Кто чтит моего Господина, того я тоже чту». Символические формы общения послов при московском дворе в XVI и XVII веках, Jahrbuch für *Kommunikationsgeschichte* 7 (2005): 27–51.

110. «Я ждал кое-какие, еще не доставленные *подарки*, но необходимые для моей первой аудиенции... Мы вышли во внутренний двор, и визирь, ожидавший меня в вестибюле, проводил в Зал аудиенций, где мы застали хана (*the Cham*), сидящего в углу дивана, напротив дивана находился большой *стул* (the Chair), (этн. «сет» – диван без спинок; спинками служат специально плотно набитые подушки.– *Прим. пер.*), на который я и сел, выразив свою признательность принцу, вручившему мне верительные грамоты. За этой церемонией, державшей меня в канцелярии, последовали различные другие, общепринятые среди турков церемонии, а также приглашение от самого хана (the Cham himself) чаще наве-

щать его, после чего меня снова, в том же порядке, проводили домой» (François Baron de Tott: Memoirs of the Baron de Tott; On the Turks and the Tatars, 2 volumes [London, 1785], vol.1, part 2: 79–80) (Франсуа Барон де Тотт: О турках и татарах, 2 тома [Лондон, 1785г.], том 1, часть 2 с. 79-80).

111. Схематический план протокола приема в Палате петиций во *Дворце Топкапы*, см. Necipoğlu, *Topkapi Palace* (Неджипоглу, Дворец Топкапы), 108.

112. Nikolaus Ernst Kleemann*, Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianova, durch die Butschiak – Tartarey über Kavschan, Bender, durch die Nogey – Tartarey in die Krimm, dann von Kaffa, nach Konstantinopel , nach Smirna und durch den Archipelagum nach Triest* und Wien, in *den Jahren 1768, 1769 und 1770* (Vienna, 1771), 39. Николаус Эрнст Клеман, *Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, в Буджак-Тартарию, Кавшан, Бендеры, в Ногай-Тартарию и в Крым, с возвратом из Каффы в Константинополь, в Смирну и через архипелаг в Триест и Вену, в 1768, 1769 и 1770 гг.* (Вена, 1771 г.), с. 39.

113. См. Михаил Чернявский, «Иван Грозный как князь эпохи Возрождения», «Славянское обозрение» 27, вып. 2 (1968 г.): с. 195–211.

114. Michalonis Lituani, *De moribus Tartarorum*, 3: "*Menglikirei vero modernum cæsarem*", 9: *"modernus Cæsar",* 11: "*imperatori Turcarum moderno*".

Михалонис Литуани, *Мораль татар*, 3 *«Менгли Гирей, более поздний цезарь»*, 9: «*современный Цезарь*», 11: «*Император современной Турции».* То, что крымский хан и османский султан описываются в тексте как современные правители, можно понимать политически, то есть как дипломатический жаргон, но тем не менее это показывает, что эти два «восточных» правителя считались одними из современных ведущих суверенов в регионе. См. также Anna Skolimowska, "From Respect to Disdain: Political Geography and Terminology Concerning Power in Latin Letters and Occasional Poems by Ioannes Dantiscus" (Анна Сколимовска, «От уважения к пренебрежению: политическая география и терминология относительно власти в латинских письмах и эпизодических (случайных) стихах Иоаннессы Дантискус»), *Acta Conventus Neo-Latini Budapestinensis: Procedings of the Thirteenth International Congress of Neo-Latin Studies, Budapest,* 6–12 August *2006*, ed. Joaquin Pascual Barea et al. (Tempe, AZ, 2010), с. 679–688.

(Международный конгресс неолатинского языка в Будапеште: Материалы тринадцатого Международного конгресса неолатинских исследований), Будапешт, 6–12 августа 2006 г., изд. Хоакин Паскуаль Бареа и др. (Темпе, Аризона, 2010 г.), с. 679–688.

I would like to thank Anna Skolimovska for her help in interpreting the titles.

(Хочу выразить глубокую признательность Анне Сколимовска за помощь в интерпретации названий).

Сведения об авторе: Николь Канчал-Феррари – доцент кафедры истории искусства, архитектуры и дизайна, Стамбульский университет Шехир (Şehır) (бульвар Тургут Озал, 21, квартал Орхантепе, Кампус Драгос 34865, Картал/Стамбул, Турция); nicolekancal@sehir.edu.tr

Сведения об авторе перевода: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

An Italian Renaissance Gate for the Khan: Visual Culture in Early Modern Crimea

Nicole Kançal-Ferrari

Annotation. The article is a translation from English of the scientific work of the Turkish historian Nikole Kançal Ferrari: "An Italian Renaissance Gate for the Khan: Visual culture in Early Modern Crimea". The article deals with the issue of foundation and identification of the author of the *Iron Door* (*Demir Kapu)* project in Backchisarai. The article also considers the question of the original location and date of installation of the project. This is rather difficult task due to the intensive restoration works and replacement of many decayed decorative components of the portal. The accurate analysis of the original appearance of the monument is almost impossible. In this regard, the analysis and research of the other sources is carried out except for the gates of the Topkapi Palace in Istanbul and the surviving inscriptions of the Crimean Khanate.

Keywords: Iron Door, visual culture, Renaissance, location, portal, date, Topkapi Palace, Istanbul, Crimean Khanate.

For citation: *Nicole Kançal-Ferrari.* An Italian Renaissance Gate for the Khan: Visual Culture in Early Modern Crimea / Nicole Kançal-Ferrari. Trans. Seytkhalilova L. S. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2021, no. 1, pp. 138–153. DOI: 10.22378/kio.2021.1.138-153

About the author: Nicole Kançal-Ferrari – Associate Professor of Art History Department of Architecture and Design. Istanbul Şehir University (Kartal/ Istanbul, Orhantepe Mahallesi, Tugut Özal Bulvari, No: 21, Dragos 34865, Turkey); nicolekancal@sehir.edu.tr

About the translator: Leylya Seytkhalilovna Seitkhalilova – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin str., 7a, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Рис. 19.[1] «Онлук» (“Onluk”) («десятка»– о деньгах) Султана Мехмеда II, Novar (Novo Brdo) Новар, Ново Брдо, чеканка, 875 г. по Хиджре (1470 г. н. э.). Лицевая сторона содержит родословную Мехмеда II: Mehemmed bin Murād Hān hallad allāhu sultānahu duribe Novar («Мехмед, сын Мурад хана, да продлит господь его правление до вечности») чеканка [в] Novar, 875 г.»). На обратной стороне мы находим выражение: Sultānü`l – Berreyn ve Hākānu`l – Bahreyn es–Sultān ibn es- Sultān («Султан Двух Земель и Император Двух Морей, Султан, сын Султана»). Диаметр 23 мм, вес 9.36 гр. (Фото: © Yapi Kredi Vedat Nedim Tŏr Museum Collection) (Коллекция музея Тёр)

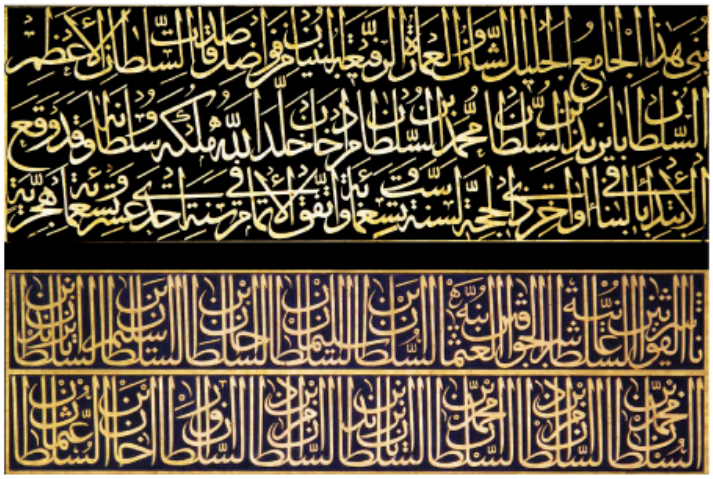

Рис. 20 (вверху). Надпись на входных воротах комплекса мечетей Баязита II, прослеживающая его родословную (Sultānü`l – A`zam Sultān Bayezid bin Sultān Mehemmed bin Sultān Murād Hān). Мечеть была построена в османской столице в 1501–1506 гг. (фото:© H. Aynur, E. Hayashi, H. Karateke (eds.), http://www.ottomanninscriptions.com/, Card ID: [K1457])

Рис. 20. (внизу). Основание надписи на главном входе мечети Сулеймание (1548–1559 гг.), выполненная знаменитым каллиграфом Хасан Челеби (Hasan b. Ahmed, Hasan b. Karahisari, d. after 1594), прослеживающая родословную Султана Сулеймана до его прадеда Османа. (Фото:© H. Aynur, K. Hayashi, H. Karateke (eds.), http://www.ottomaninscriptions.com/,Card ID: [K1393])

[1] Иллюстрации к статье Николь Канчал-Феррари. Дверной портал крымских ханов эпохи итальянского Возрождения: визуальная культура в Крыму в раннее Новое время (Стр. 138–153). *(Продолжение. Нач. в № 2, 2020).*

Рис. 21. Серебряная *akçe* (монета, деньги) Менгли Герая с изображением тамги на обратной стороне. Чеканка Каффы, 901Н (1495–1496 г.)?, диаметр 12.6 мм., вес 0.654 г. (Фото: с любезного разрешения Джозефа Сермарини (Joseph Sermarini)

Рис. 22. Вид надписей на западном фасаде Ханской мечети со стороны первого двора и второго портала дворца. (Фото: Osman Oktar)

Рис.23a. *Tugrā* периода правления Кырым Герая (правление 1758 –1764, 1768–1769 гг.) на западном фасаде Ханской мечети со стороны первого двора и второго портала дворца. (Фото: Osman Oktar)

Рис.23b. *Māsāllāh* (“May God preserve/ protect it” – «Пусть Господь сохранит /защитит его») дата 1176 (1762–1763 гг.) и имена декораторов и художников, принимавших участие в ремонте дворца на западном фасаде Ханской мечети. (Фото: Osman Oktar)

Рис. 24. Приём Стефана, короля Трансильвании, Сулейманом I, *Nüzhet-i Esrārü`l-Ahyār der Ahbār-i Sefer-i Sigetvar*, ca. 1568–1569. Стамбул, Библиотека Музея Дворца Топкапы (TSMK) Hazine 1339, fol.16b., (Фонд 1339, л. 16b). (Фото: с любезного разрешения Библиотеки Дворца Музея Топкапы)

Рис. 25. Приём посланника Габсбургского императора Селимом II во Дворце Топкапы в Константинополе, *Nüzhet-i Esrārü`l-Ahyār der-Ahbār-i Sefer-i Sigetvar, ca. 1568–1569.* Стамбул, Библиотека Музея Дворца Топкапы (TSMK) Hazine1339, fol. 178a. (Фонд 1339, л.178a). (Фото: с любезного разрешения Библиотеки Дворца Музея Топкапы)